

требника (1970, 1973, 1987). Негативным последствием переводов является их аббревиация, а также заимствование латинской богословской терминологии и ее имплементация. Мы можем воспринимать это как исчезновение теологической идентичности греко-католической церкви в бывшей Чехословакии до 1989 года. После 1968 года обучение богословов происходило в римско-католической семинарии, где преподавание предметов, типичных для греко-католиков, не проводилось. т.е. обучение проходит в латинской среде. В Греко-католической церкви также работали священники с академическим образованием (доктора теологии), которое они получили перед началом Второй мировой войны в университетах Праги и Оломоуца, но, тем не менее, в их переводческой работе присутствуют различные лингвистические и богословские сдвиги. В церкви литургический язык становится предметом церковной идентичности. Словацкий язык рассматривается как предмет словакизации русинских (до 1989 года украинской национальности) верующих. По их мнению, изменение языка могло бы нарушить Кирилло-Мефодиевскую традицию. В церкви мы можем наблюдать два лагеря: словацкий и русинский (украинский).

Горяев С. О., Ольшванг О. Ю.
Екатеринбург, Россия

НЕОЯЗЫЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИКА

Появление неоязыческих религиозных движений в современном русском религиозном пространстве уж давно отмечалось исследователями (см. например, [Шнирельман 2001]). Но неоязыческая ономастика редко становится предметом рассмотрения, хотя следует отметить работу [Бесков 2015]. Мы рассмотрели антропонимы одного из родноверческих сайтов, в плане попытки их носителей манифестировать в них свое самобытное национальное мировоззрение, противоположное глобальному и мультикультурному [Goryaev, Olshvang 2021]. В рамках выступления на настоящей конференции мы покажем, что этот же материал показывает не-

удачность неоязыческих попыток в выражении антихристианской религиозной идентичности. Дело, кроме прочего, в следующем. Высокий стиль, включая религиозную составляющую, в рамках русского литературного языка принципиально образуется употреблением церковнославянских по происхождению языковых средств. В частности, большинство неоязыческих имен р строятся как двухкомпонентные, (ср. наблюдения о «раскрещивании», имянаречении и о двухкомпонентных «ведических» именах в [Жарчинская, Хазанов 2015: 117]). Так в нашем материале появляются *Ярослав*, *Мирослав*, *Велеслав*, *Владимир*, *Велемир*, *Огнемир*, и т. п. И хотя многие из таких имен действительно дохристианского происхождения повышенную «сакральность» этим именам придает именно христианская культура, дальнейшее включение таких имен в святцы и сам принцип словообразования, типичный для церковнославянского языка. Неоязыческий антропонимикон показывает проявившуюся еще при Юлиане Отступнике тенденцию – при «возвращении» к «вере предков» подражать христианской культуре.

Литература

Бесков А. А. Русское неоязычество в свете данных эргонимики: методы и перспективы изучения // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11). С. 9-22.

Жарчинская К. А., Хазанов О. В. От каббалы до «раскрещивания»: проблема осознанного выбора в современном и традиционном мистицизме // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 115-119

Шнирельман В. А. Неоязычество на просторах Евразии. М.: Библейско-Богословский Институт, 2001. 177 с.

Goryaev S., Olshvang O. Multicultural and National Anthroponymicon: Orthodox Name Versus Neo-pagan Pseudonym // Names and Naming: Multicultural Aspects. Palgrave Macmillan, 2021 (в печати)